

Ян Чжоу был сиротой.

Когда ему было восемь лет, отец привёз его в Чэнцзявань.

Сюй Чэну тогда было всего пять лет. Издалека он увидел приближающиеся фигуры высокого и низкого роста и принял их за нищих.

После этого в Чэнцзяване остался только один человек — Ян Чжоу.

Сюй Чэн родился недоношенным. Его здоровье было слабым с самого рождения, поэтому семья Сюй воспитывала его с заботой.

Ему было любопытно узнать об этом незнакомом старшем брате.

Во время еды он не мог усидеть на месте. Держа в руках маленькую миску, он стоял у двери и увидел Ян Чжоу, босиком бегущего по гравии. Вскоре он вернулся с корзиной, полной амаранта.

Когда Ян Чжоу проходил мимо, Сюй Чэн не мог не спросить:

— Почему ты без обуви?

Ян Чжоу взглянул на него, но ничего не сказал.

Он не любил ни с кем разговаривать.

Он делал всё, что велела ему тётя. Даже когда его били или ругали, он молчал и никогда не спорил.

Сюй Чэн был упрямым ребёнком. Он твёрдо решил заставить Ян Чжоу поговорить с ним.

День за днем никто не знал, когда это началось, но Сюй Чэн стал маленькой тенью Ян Чжоу, и они стали неразлучны.

Когда-то они были товарищами по детским играм.

Теперь они были семьей.

В будущем, возможно, даже не будут друзьями.

Погруженный в размышления, Сюй Чэн почувствовал легкое головокружение и слабость — вероятно, это была плата за то, что он выпил холодную воду в полдень.

С течением лет постоянные напоминания Ян Чжоу заставили его болеть все реже и реже, и Сюй Чэн почти забыл, что он все еще болезненный человек.

Ему было лень вставать и принимать лекарства, поэтому он просто натянул на себя одеяло с дивана, зарылся в него с головой и крепко уснул.

— Чен-Чэн? Чен-Чэн?

Кто-то нежно похлопал Сюй Чэна по руке и тихонько позвал его.

Сюй Чэн открыл глаза и увидел знакомое лицо.

— Почему ты вернулся?

— Твои часы показали учащенный пульс и повышенную температуру тела, — сказал Ян Чжоу, поднимая подушку с дивана и кладя её за спину Сюй Чэна. Затем он достал термометр из ящика журнального столика. — Открой рот. Давай измерим твою температуру.

Сюй Чэн послушно открыл рот.

Ян Чжоу встал, чтобы налить Сюй Чэну стакан тёплой воды, а затем сел рядом. В его голосе слышалась беспомощность.

— Ты опять выпил холодную воду.

Сюй Чэн понял, что Ян Чжоу уже увидел в холодильнике недопитую бутылку холодной воды.

— У тебя слабый желудок, и ты легко простужаешься. Разве врач не советовал тебе избегать холодных напитков? — Ян Чжоу вздохнул, прижал Сюй Чэна к себе, положил подбородок ему на плечо и нежно погладил его.

Сюй Чэн сделал глоток теплой воды, не зная, как ответить.

Если бы это произошло раньше, он бы вел себя избалованно, закатил бы истерику, прибежал бы к любым уловкам, чтобы избежать придирок Ян Чжоу.

Но это было раньше.

Теперь, просто представив себе, как Ян Чжоу расстроен и уговаривает кого-то другого, Сюй Чэн почувствовал себя несчастным.

Но Ян Чжоу неправильно понял его молчание.

— Тебе действительно плохо? — спросил он, нахмурившись, и повернул Сюй Чэна к себе. — Ты действительно выглядишь немного бледным.

Говоря это, он вынул термометр изо рта Сюй Чэна и, увидев, что температура невысокая, невольно вздохнул с облегчением.

— Ты поправишься, когда примешь лекарство.

Сюй Чэн по-прежнему молчал.

Ян Чжоу отложил термометр и осторожно подбросил Сюй Чэна на ноги.

— Что случилось?

Говорят, легко понять, когда кто-то перестает тебя любить. Сюй Чэн чувствовал лишь горечь — значит, можно было так убедительно притворяться, что любишь, даже когда уже не любишь? Эти маленькие привычки, эти едва заметные жесты — Ян Чжоу всё ещё мог выполнять их безупречно, так, что это превратилось в рутину. Неудивительно, что он заметил это последним. Неудивительно, что он вообще не заметил раньше.

— Ян Чжоу, — Сюй Чэн тихонько кашлянул, чтобы сдержать подступившие к глазам слёзы, но боль в носу сдержать было невозможно. — Я хочу тебя кое о чём спросить.

— Спрашивай, — небрежно ответил Ян Чжоу, правой рукой шаря в аптечке в поисках таблеток от жара и пакета лекарства от простуды, размешивая порошок в теплой воде.

Сюй Чэн хотел спросить об этом видео. Об этой женщине.

Но когда слова достигли его губ, они превратились во что-то другое.

— Ты меня любишь?

Ян Чжоу протянул ему лекарство.

— Что за ерунду ты опять несёшь?

Сюй Чэн горько усмехнулся. Да уж... Когда он болел, его мысли всегда блуждали. Но старый Ян Чжоу не винил бы его за это. Он просто оставался рядом, снова и снова шепча: «Я люблю тебя».

— Выпей и отдохни, — сказал Ян Чжоу, передавая ему жаропонижающее и стакан, а затем натягивая одеяло, чтобы укрыть его. — Не устанавливай кондиционер на слишком низкую температуру. У меня сегодня дела, и я не вернусь.

Почему бы и не вернуться?

Сюй Чэн проглотил лекарство. Стакан в его руке отражал свет, разбрасывая его, словно осколки, — он больше ничего не спрашивал.

— Хорошо.

В доме снова воцарилась тишина.

Когда Ян Чжоу ушел, он даже выключил свет в прихожей.

Лежа на диване, Сюй Чэн слышал стрекотание цикад снаружи.

Он не мог не вспомнить — когда же все это началось?

И тут он вспомнил. Однажды вечером, вставая, чтобы пойти в ванную, он увидел, что свет там горит, но Ян Чжоу выходит из гостиной. И как давно Ян Чжоу не ужинал с ним дома.

Больше Сюй Чэн ничего не помнил.

Его память становилась всё хуже и хуже, а симптомы бессонницы становились всё чаще. Думая об этом, он вздохнул и заставил себя пойти в кабинет Ян Чжоу, где нашёл свой флакончик с мелатонином.

Он даже не помнил, когда купил его. Он принимал его всего несколько раз, прежде чем Ян Чжоу узнал об этом, а затем спрятал таблетки.

Сюй Чэн погрузился в глубокий и долгий сон.

Ему приснилось, как в десять лет Ян Чжоу избивает до потери сознания другой ребёнок. Метла, палка и, наконец, топор — каждый удар приходился на тело и ноги Ян Чжоу, а сам он свернулся в углу, обхватив голову руками, с оцепеневшим выражением лица.

Сюй Чэн побледнел от ужаса. Он кричал о помощи, отчаянно пытаясь найти кого-нибудь из взрослых, но был самый разгар сельскохозяйственных работ, и все были в горах на работе. Он никогда в жизни не бежал так быстро. Он помнил, как ветер ревел в ушах, как жгло лёгкие. Наконец, посреди полей, он нашёл тётю Ян Чжоу.

— Вам... вам нужно вернуться! Этот дурак забьёт Ян Чжоу до смерти!

— Если он умрёт, значит, умрёт, — холодно сказала тётя, бросая свежесрезанный амарант в корзину и наклоняясь, чтобы продолжить резать. — И перестань называть моего сына дураком.

Её старший сын в возрасте пяти лет перенёс тяжёлую лихорадку, из-за которой у него повредился мозг. Дети были беспечны и за глаза называли его дураком.

Сюй Чэн запаниковал. Он схватил корзину и убежал.

— Я не лгу! Если вы сейчас же не вернётесь, его и правда забьют до смерти! Ваш сын тогда станет убийцей!

— Ах ты, сопляк! — тётя Ян Чжоу погналась за ним, но не смогла догнать. Она успела лишь крикнуть на бегу: — Психически больных не сажают в тюрьму за убийство, так что какое, чёрт возьми, твоё дело, маленький ублюдок!

После этого она даже не дала Ян Чжоу никаких лекарств.

Сюй Чэн тайком обшарил весь свой дом в поисках лекарств. Он не знал многих слов, поэтому полагался на чтение инструкций, складывая из них те немногие слова, которые понимал, и догадываясь об остальном.

Синяки на лице Ян Чжоу полностью зажили через месяц, но рана на лодыжке от топора оставила неизгладимый шрам. И по сей день, когда он идёт чуть быстрее, этот шрам становится заметен, сказываясь на походке.

Инцидент быстро распространился по Чэнцзяваню, но большинство людей лишь говорили о нём — высказывали своё мнение и шли дальше. Сочувствие там мало что стоило.

Позже Ян Чжоу сбежал.

Он убежал из Чэнцзявана и из жизни Сюй Чэна тоже.